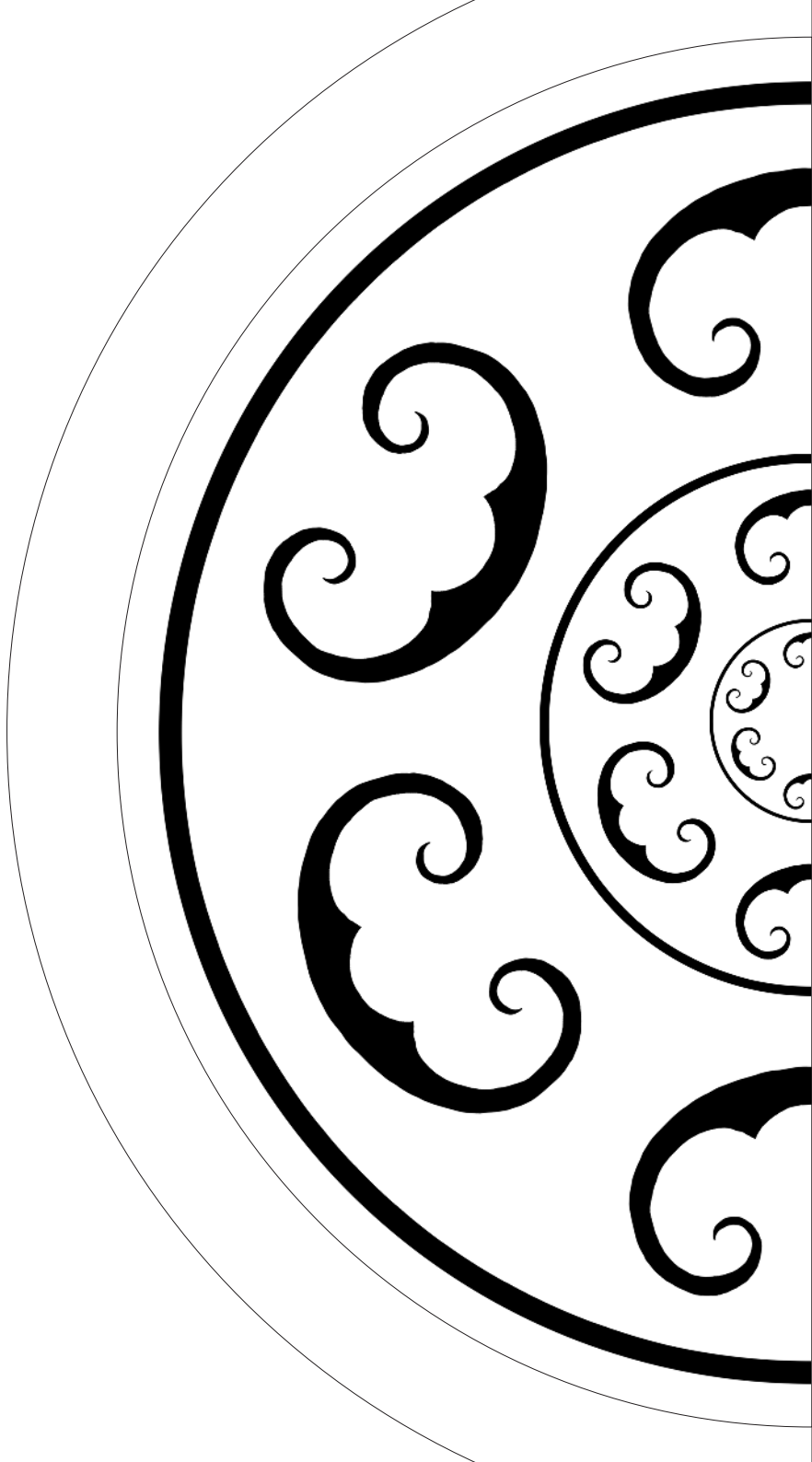

Борис Глебов

ЗОЛОТАЯ ОРАДА

Издательство благодарит литературное
агентство Amarola Book за содействие
в приобретении прав

Борис Глебов

ЗОЛОТАЯ ОРАДА

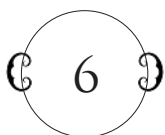
По мотивам одноименного сериала

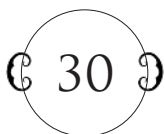
Москва
2018

СОДЕРЖАНИЕ

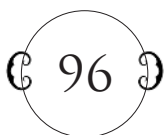
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Терем и Ставка

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Страсть и Ярость

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Любовь и Долг

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
(ЭПИЛОГ)
Родина и Свобода

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Терем и Ставка

Солнце
сегодня было
особенно жгучим,
больно слепило глаза
и обжигало кожу... Ред-
кое облако давало минут-
ную передышку, но не успеешь
передохнуть в его спасительной
тени, как уже снова окунаешься в оду-
ряющий зной.

Тишину нарушали лишь шелест перекаати-
поля, резкий шорох ящерицы и еле слышное
человеческое пение.

Ногай не первый раз видел по пути в ставку
дряхлого шамана под огромным кустом чер-
тополоха. Шаман обычно сидел, уставившись
в одну точку, ритмично стучал в плотную

кожу бубна и выпевал непонятные слова. Но в этот раз шаман вдруг поднял глаза на всадников — обычно он ничего и никого не замечал или не хотел замечать — и секунду смотрел на Ногаю; военачальник успел заметить, что шаман слеп.

Ногай слегка пришпорил коня и через мгновение нагнал лошадь хана, оказавшись рядом с Берке, но все же чуть позади него, как велят придворные традиции.

Он решил продолжить важный разговор, начатый несколько минут назад.

— Великий, прежняя ставка убиралась за четыре часа, и мы могли в любую минуту подняться и уйти от врага. Новая столица сделает нас неповоротливыми.

— Тебе не понять, — усмехнулся хан Берке. — Ты молодой: крепкие зубы, гибкие колени.

«И это всё, что хан может мне возразить?» — подумал Ногай. Он почувствовал, как у него начинает быстрее стучать сердце. Но хан вдруг добавил:

— Ты еще не чувствуешь ее, Ногай...

— Кого, великий хан? — переспросил военачальник, не веря своим ушам.

Берке не удостоил его ответом, давая понять, что сказанного достаточно. Но чуть позже снисходительно добавил:

— Я хочу, чтобы и через сто, и через триста лет люди смотрели на Сарай-Берке и думали обо мне.

Внезапно передние всадники подняли правую руку — знак остановиться. Теперь Ногай

выдвинулся чуть вперед лошади хана, защищая Берке от возможной стрелы неприятеля.

Все остальные звуки, казалось, смолкли. В напряженной тишине слышался ритмичный шум, нарастающий с каждой секундой. Когда всем стало понятно, что это стук копыт, полукольцо перед ханом сомкнулось плотнее.

Всадники быстро вскинули луки, доставая стрелы из колчанов. Ногай сжал рукоятку меча. Он ожидал увидеть кого угодно — гонца, заблудившийся караван, коня, отбившегося от табуна, но только не стройную девушку на белой кобылице, появившуюся из-за холма.

Похоже, эта встреча была неожиданностью и для девушки. Она резко осадилась на лошадь и с испугом вгляделась в отряд хана Берке. Ей понадобилась секунда, чтобы резко развернуться и изо всех сил помчаться прочь.

Хан не отрывал от нее взгляда с самого ее появления и до того момента, когда черная кисточка на шапке наездницы скрылась за холмом.

Только тогда он кивком головы, не произнося ни единого слова, велел Ногаю догнать беглянку и доставить к нему. Ногай все и так понял, ведь придворные ближайшего круга — это своего рода стая, у которой есть свой язык взглядов и жестов, понятных без слов.

Ногай поскакал выполнять приказ. Он успел заметить у Берке радостное удивление, что сделало лицо великого хана, обычно похожее на застывшую маску, живым и даже

по-своему красивым. Но Ногай тут же внутренне одернул себя — такие мысли не для ханского военачальника. Он прищипорил коня и, не оглядываясь, быстро пересек вершину холма.

Берке какое-то время смотрел ему вслед, потом молча тронул поводья своей лошади и направился в сторону ставки. Его свита последовала за ним в подчеркнутом, но небольшом отдалении, всегда готовая выдвинуться вперед и защитить от опасности.

Хан въехал в ставку, оперся на руку прислужника, чтобы спешиться, и отдал уздечку другому слуге. Проследовав мимо десятков людей, которые низким поклоном приветствовали вернувшегося хана, Берке уже хотел было зайти в недавно отстроенный каменный ханский дворец, когда на горизонте в облаке пыли появился силуэт Ногая. Хан остановился и повернулся спиной к двери, выжидательно смотря на него. Ногай спрыгнул с коня и, быстро поклонившись, как этого требовали приличия, выпрямился. Глядя прямо в глаза хану, он тихо произнес:

— Девушке удалось уйти.

Берке смотрел на него жестким и немигающим взглядом.

— Найди ее и приведи ко мне.

— Будет сделано, великий хан, — Ногай так же быстро склонился в поклоне, чуть попятился и бросился прочь.

«Ты молодой: крепкие зубы, гибкие колени, — вспомнил он недавние слова хана

и добавил про себя с той же интонацией: — Вот ты, молодой, молодую и приведи, но не себе, а мне».

К хану уже спешили из внутренних покоев придворные. Впереди всех оказался персидский художник Бахтияр-ага, долгое время ожидавший появления Берке. Это был человек с бородой, заплетенной в косичку, с колыхающимися серьгами в ушах и тщательно умащенными и зализанными назад волосами. Увидев хана, он обрадовался и едва не разорвал свой затейливо расшитый кафтан, растягивая его ворот:

— Наконец, я могу лицезреть вас, о, неуловимый великий хан! — И художник сразу же склонился в поклоне.

— Я думал, ты уже в Сарай-Берке, Бахтияр-ага, трудишься над орнаментом Белой мечети, не покладая рук, — устало сказал хан.

Бахтияр-ага понял, что это скрытый вопрос, и, воздев руки к небу, проговорил:

— Видит Аллах, великий хан, я хотел бы там быть. Но мне нужны помощники, один я и за тридцать лун не закончу работу.

— Разве тебе не выделили помощников? — поморщился Берке. Суэта мелких дел его утомляла. Хан медленно шел через двор к шатру, явно прихрамывая. — Я велел это сделать неделю назад.

— В том то и дело, милосердный! Но те, которых мне дали по твоему приказу, это просто бездарные маляры! Они не могут отличить си-

ний колор от бирюзового и тонкую кисточку от средней.

— За те деньги, что я плачу тебе, ты должен был суметь им это объяснить, — усмехнулся Берке.

— Это все равно, что учить обезьяну читать, светлейший! — воскликнул Бахтияр в отчаянии. — Монголы начисто лишены художественного вкуса.

Берке чуть поднял бровь, и Бахтияр-ага понял, что допустил ужасную ошибку.

— Великий хан, я не то хотел сказать, — начал он было, но Берке перебил его.

— Ты все верно сказал. Монголы созданы для войны, а не для праздности. Других монголов у меня нет, — усмехнувшись, издевательски произнес он.

— Но ведь есть персы, кипчаки, — умолял Бахтияр-ага. — Я слышал, русские рабы не чужды прекрасного. Великий хан ведь почти что правитель мира!

Но хан не удостоил его ответом. Скоро должен был прибыть гонец, и Берке мечтал о том, чтобы уделить лично себе несколько минут перед этой встречей.

На какое-то время он перестал быть великим ханом, а стал одним из простых смертных с их недугами и болячками, которые не делают разницы между вознесенными на вершину власти и обычными людьми. Прислужник помог Берке опуститься на жесткий топчан, стянул с него сапоги и стал массировать ноги. Хан морщился, но

терпел, его с детства учили превозмогать боль.

Прибыл гонец с депешей. Берке велел принять послание и вскоре выслушивал доклад толмача.

— Это от нашего осведомителя из Ирана. Хан Хулагу собирает армию. Он пойдёт против нас войной.

Взгляд Берке сразу же стал жестким.

— Щенок забыл, кто стоит во главе рода. Мы ответим ему! Менгу пригонит из Руси сорок тысяч мужей и юношей. А ты в короткий срок обучишь их военному искусству, — велел Берке и дал знак толмачу удалиться.

Хан позволил себе ненадолго расслабиться позже, во время разговора с муллой Ибрагимом. Сидя на ковре, мулла то и дело прикладывался к освежающему кумысу и старался не пропустить ни слова из тихого шепота владыки. — Впервые я познал женщину поздно, в шестнадцать лет, — говорил Берке, полулежа на низком ложе и пристально вглядываясь в узор ковра, словно пытался разглядеть в затейливых арабесках картины своей юности. — Робок был, думал, глупец, что это такие высшие существа. Только потом понял, что они не умнее кошки.

— Этим заблуждением Аллах хранил тебя от греха, о великий хан, — мгновенно отозвался мулла, заполняя паузу. — Коран не поощряет блуд.

— Тридцать лет... — продолжал Берке, не обращая внимания на слова муллы. — Их приво-

дили ко мне каждые два дня, все время разных. Но помню я только одну.

Мулла вежливо приподнял брови, ожидая продолжения неожиданно откровенного рассказа.

— Ее привез мне в подарок персидский царь! Девушка смотрела на меня как подстреленная птица. — усмехнулся Берке. — Когда я овладел ею, от ужаса она потеряла сознание. Я потом месяц не притрагивался к ней!

— Хан говорит об одной из своих жен? — уточнил на всякий случай мулла.

— Нет, — медленно ответил Берке. — Она не успела стать женой — умерла. Эта девушка на кобылице напомнила мне ее. Мне сорок шесть, а я все еще надеюсь.

Мулла понимающе кивнул:

— Эту девушку нужно найти. Я буду молиться, чтобы она помогла вернуть великому хану мужскую силу и родила долгожданного наследника!

Но пришла ночь и привела свои сны. Берке часто просыпался, и поэтому шатер во время ночного отдыха всегда был освещен.

В этот раз он проснулся от порыва ветра, который задул свечи. Хан резко приподнялся на постели и уставился на белое пятно, маячившее в отдалении. Постепенно неясный облик стал принимать знакомые очертания — это был Сартак, племянник Берке, в той самой белой рубашке. Но он же умер! Конечно, у него на шее мотается обрывок веревки, который остался с того дня, когда.

— Дядя Берке, когда мы покатаемся на лошадке? — раздался тихий детский голос. — Ты обещал покатать на лошадке, а вместо этого задушил меня.

Хан с ужасом увидел, как мальчик все ближе подходит к кровати, и отчаянно закричал.

Теперь он вскочил с ложа уже на самом деле и убедился, что шатер освещен, как обычно. Факелы тихо потрескивали на входе, и Берке показалось, что он видит в языках пламени кровавый отблеск.

Отослав охрану, которая с обнаженными мечами вбежала на крик, раздавшийся из святая святых — места, где спал властитель, Берке снова забылся сном. Убитый племянник сменился теперь в видениях мертвой возлюбленной, которая что-то шептала хану, но Берке не мог разобрать ни одного слова.

А утром в шатре появился слуга с хорошими вестями — он объявил, что Ногай привез великому хану то, что он велел. Берке почувствовал, как кровь приливает к его щекам, и приказал немедленно доставить к нему девушку.

Когда торжествующий Ногай ввел свою добычу к Берке, хан почувствовал, как у него начинает кружиться голова то ли от сходства девушки с его первой любовью, то ли от нахлынувшего гнева — пленница была вся в крови. — Это дочь купца Карима, великий хан, — быстро проговорил Ногай. — Ее зовут Айжан. Карим и его сыновья так сопротивлялись, что пришлось убить их всех. А ее не могли оторвать от их тел, девушку никто пальцем не трогал.

Берке подошел к дрожащей Айжан и нежно погладил ее по щеке.

— Здравствуй, голубка, — проговорил он, стараясь унять дрожь в голосе. — Не бойся! Берке-хан никому не позволит тебя обидеть.

Княгиня Радмила смотрела из окна княжеского терема, как ее муж бился на мечях с дружинником. Если не знать, что это великий князь, то вряд ли можно было бы догадаться, что человек, одетый в простую рубаху, повелевает судьбами тысяч людей.

— Посмотри на него, — шепнула Радмила ключнице Стеше. — Ведь еще совсем юноша, время его не берет! Мне иногда кажется, что я ему в матери гожусь.

— Днем ты можешь быть ему кем угодно, — улыбнулась Стеша. — Главное, чтобы ночью.

— Думаешь, без тебя не знаю? — оборвала ее княгиня, внезапно помрачнев. — Только он в последнее время — нечастый гость на женской половине.

Тем временем Ярослав сделал удачный маневр и выбил меч из рук дружинника. Тренировка была закончена — и вовремя. Послышался топот копыт и людские голоса. Ворота открылись, и во двор въехали новгородцы —